

6 АВГ 1978

написано - не слышно

В. Я. Шаинский „ГЛАВНОЕ В ПЕСНЕ — ИСКРЕННОСТЬ“

Композитора Владимира Шаинского лучше всего, конечно, представят читателям его песни: «Дрозды», «Травы-травы», «Крейсер «Аврора», «Не плачь, девчонка», «Через две зимы», «Сердце мое», «Голубой вагон», «Улыбка», десятки других. Их поют все — воспитанники детских садов, школьники, воины Советской Армии, студенты, горожане и жители сел, строители БАМа. В. Шаинский — автор песен к кинофильмам «Поэма о рабочем

классе», «Деревенский детектив», «И снова Анискин».

Владимир Яковлевич — заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола.

Предлагаемое читателям интервью журналист Е. Голошумов взял у В. Я. Шаинского в Амурске, где композитор выступил перед дальневосточниками во время празднования двадцатилетия города.

— Владимир Яковлевич, большое спасибо за отличный концерт и разрешите задать первый вопрос: вы на Дальнем Востоке впервые?

— И да, и нет. Да — потому что в Хабаровском крае, в Амурске, в частности, я действительно первый раз. А вообще-то на Дальнем Востоке бывал. Первую поездку совершил вместе с поэтом Львом Ошаниным на Сахалин, а потом встречался в самом начале строительства Байкало-Амурской магистрали с первыми отрядами молодежи, прибывшими в Тынду.

— Ваша песня «Багульник» — результат тогдашних встреч со строителями БАМа?

— Представьте, все было наоборот. В Тынду я привез уже готовую песню. А случилось это так. В то время только закончил свою работу XVII съезд ВЛКСМ, на котором, как известно, Леонид Ильич Брежнев тепло и сердечно напутствовал посланцев Ленинского комсомола, прямо со съезда отправившихся строить БАМ. Получив приглашение от первопроходцев побывать у них, мы, участники предстоящей дальней и почетной поездки, собравшись у меня на квартире, задумались: а с чем, собственно, мы приедем к строителям знаменитой магистрали? Решили: нужна песня. Хорошая. И, разумеется, о романтиках дальних дорог, о тех, кого не пугают ни палатки в тайге, ни морозы. Так-то оно так, да «где мне взять такую песню?». И вот тогда автор слов «Багульника» И. Морозов вроде бы и случайно произнес вслух первую строку: «Где-то на сопках багульник цветет...» Я сел к роялю, начал подыскивать мелодию. За первой строкой последовала вторая: «Кедры вонзаются в небо». И дело пошло. Работали с увлечением. Мелодия была найдена, за первым куплетом последовал второй: «Возле палатки закружится дым, вспыхнет костер над рекою... Вот бы прожить мне всю жизнь молодым, чтоб не хотелось покоя». Короче говоря, под утро песня была готова. Спели — всем понравилась. С «Багульником» и отправились в Тынду. Встретили нас тепло, поехали к месту митинга. Предоставили слово мне. Подошел я к микрофону, оглянулся вокруг — места, как в песне: сопки, островерхия ели, лиственницы и... кедры. И я решил... воздержаться от речи. Вместо нее спел «Багульник». С тех пор прописалась песня на БАМе, на радио и телевидении, в концертных залах.

— Хорошая песня... Какова она в вашем понимании? Ваши

критерии, ваши личные оценки?

— Уверен, что хороша та песня, которую поют все. Должен заметить: даже в том случае, если твоя песня прозвучала по радио или телевидению, судить об успехе рано. Само по себе это еще ни о чем не говорит. Вот когда твою песню народ запоет, можешь быть уверенным — попал «в точку», песня «пошла», песня понравилась, получилось как раз то, что людям нужно. Хорошая песня та, которая звучит не только со сцены, но и для себя, без которой человек не может обойтись ни в часы радости, ни в минуты грусти. Об авторе такой песни человек, когда поет ее для себя, и не вспоминает, а иногда даже и не знает, кто ее написал. Но это и есть лучшая награда для композитора. Кстати, и у меня из всех написанных мною песен есть любимые: «Дрозды», «Травы-травы», «Сады цветут...».

— Принято считать: песня — душа народа. В ваших песнях (не считайте за комплимент) такая душа есть. Поэтому их и поют. Но не упрощают ли, мягко говоря, некоторые из ваших коллег эту душу, когда всякими там «ла-ла» и другими подобными «междометиями» тщась восполнить отсутствие в своих произведениях и мысли, и задушевности, да и музыкальности тоже? Короче говоря, не навязывают ли они народу, так сказать, свою душу, прикрываясь, как шитом, молодежной тематикой, за которой прячутся нередко музыкальные произведения «для ног», а не для души? И дело тут не в том, что танцевальные мелодии не нужны. Ведь танцевальность, если так можно выразиться, присуща и многим вашим песням, даже таким детским, как «Чунга-чанга», не говоря уж о «взрослой» песне «Сады цветут». Да и потом такого вот резкого деления [это вот для детей, а это для взрослых] у вас, в отличие от поклонников молодежной тематики, нет. Поют же папы и мама и «Голубой вагон», и «Песенку крокодила Гены».

— Видите ли, главным в песне, в искусстве вообще, я считаю искренность, непосредственность. Разговор с детьми я веду на равных. Дети ведь не любят фальши. Со взрослыми почитателями моего творчества держусь тоже как с собеседниками, а не как профессор музыки с этакими музыкальными снобами. Считаю для себя правилом: писать для людей, как для себя. Убежден: песню должны понимать все. Мое кредо — писать для людей.

Что касается модернистской музыки, то я ее не признаю. Как на эстраде, так и в «серьезных» концертных залах. Живопись тоже признаю только реалистическую. Всякий модернизм — это нечто надуманное, вычурное, и явно преходящее.

Теперь о детских песнях, ставших «взрослыми». Действительно, песню «Крейсер «Аврора» я написал к детскому мультипликационному фильму, как и «Голубой вагон», и «Песенку крокодила Гены», и «Кузнечика», и «Улыбку», и другие. (Замечу в скобках, что многие мои песни, в том числе и все вышеперечисленные, шагнули в большую жизнь с экрана — телевизионного или кинематографического). Песню «Крейсер «Аврора» вскоре после того, как она прозвучала по телевидению, включил в свой репертуар Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии. Наверное, потому, что вместе с поэтом М. Матусовским нам удалось создать образ революции, образ крейсера-революционера. Ну, а что касается других, детских песен, которые поют взрослые, то ведь все мы когда-то были детьми.

— А когда вы написали первую песню?

— Давно, в сорок третьем году. Шла война, семнадцатилетним парнем и я попал в войска. Служил в подразделении связистов-радистов. Время было трудное, но о песне не забывали. Нужна была своя песня и нашему полку. Заказ на нее получил сначала один из музыкантов-профессионалов. Песню профессионал написал, что называется, в лучших классических строевых традициях: «Эх, орлы-молодцы!» и т. д. Нашему «бате» она, однако, не понравилась — не было в песне солдатской души. Прослышал я об этом и решил рискнуть. И вот однажды стою, задумавшись. «Чего загрустил?» — командир отделения спрашивает. «Кажется, песню сочинил». «Лейтенанту споешь?». «Так точно!». Через час узнаю: вызывает полковник. Думаю, опозорился, раз «батьа» вызывает. Пришел, доложил по уставу. «Получилась, говорю, песня?» — спрашивает полковник. «Так точно!». «Ну, давай ее, послушаем». Исполнил. «Я тоже полагаю — получилась», — сказал командир. И песню в полку зазели. С той поры и начался мой композиторский путь.

— Владимир Яковлевич, а каким вы находите Амурск?

— Красивый город современной архитектуры. Современной — не в смысле модернизма, а застройки, планировки, самого вида жилых домов и общественных зданий. Город без окраин, город патриотов и тружеников.

— В конце вашего концерта девушка обратилась к вам с просьбой написать песню об Амурске. Как — выполнима просьба?

— Будет хороший текст, возьмусь за песню с удовольствием.

— И последнее. Ваши пожелания жителям Амурска и Хабаровского края.

В. Я. Шаинский пишет на обратной стороне приглашительного билета на парад-фестиваль, посвященный 20-летию Амурска: «Желаю счастья и успехов! Владимир Шаинский. 1.VII.78. Амурск».